

Наполеон вступает в Москву ¹⁾.

1-го сентября в нескольких верстах от Москвы Наполеон сел на лошадь. Он подвигался медленно, осторожно, заставляя осматривать впереди себя все леса и овраги, взбираться на вершины холмов. Ожидали битвы. Местность была подходящая, и даже замечались следы начатых окопов.

Но вот и последнюю возвышенность заняли разведчики. Это была Поклонная гора. Было два часа, и освещенный солнцем город переливал тысячью оттенков. При виде этого зрелища изумленные французы остановились, восклицая: "Москва! Москва!.."

Подъехал сам Наполеон. Он остановился в восторге.

— "Так вот он, наконец, этот знаменитый город! Давно пора!"—радостно вырвалось из его уст.

Мюрат, окруженный разведчиками, уже достиг входа в предместье, но никакой депутации не появлялось. День, между тем, склонялся к вечеру, а Москва оставалась мрачной, безмолвной и как бы безжизненной. Возрастало томление императора; все трудней было сдерживать нетерпеливых солдат. Несколько офицеров проникло вглубь города. Москва была пуста.

Москва пуста! При этом известии, которому Наполеон не хочет верить, он спускается с Поклонной

¹⁾ По воспоминаниям француза, гр. де-Сегюра, ген.-адъютанта Наполеона.

горы к Москве-реке, у Дорогомиловской заставы. Здесь он еще ждет. Но бесполезно. Мюрат его торопит: "Да входите же, если они этого хотят!" Наполеон отдает приказ соблюдать строжайшую дисциплину, — он все еще надеется: "Может быть, эти жители не умеют сдаваться. Здесь все ново, как для нас, так и для них."

Но тут рапорты последовали один за другим, подтверждая одно и то же роковое известие: "Москва пуста!"

Наполеон призвал Дарю: "Москва пуста! Какое невероятное событие. Надо туда проникнуть. Идите и приведите мне бояр!"

Дарю вернулся ни с чем. Ни один москвич не показывался.

Ни одной струйки дыма не поднималось из труб домов, ни малейшего шума не доносилось из этого обширного многолюдного города. Казалось, будто триста тысяч жителей, точно по волшебству, были поражены немой неподвижностью. Это было молчание пустыни!

Уже в течение часа Мюрат и длинная сомкнутая колонна его кавалерии проникали в этот гигантский город, где все еще сохраняло прежний вид, но уже было пусто. Пораженный удивлением при виде великого запустения этих современных Фив, войска сохраняли такое же торжественное молчание. Воины прислушивались с тайным трепетом к стуку лошадиных копыт, одиноко раздававшемуся среди опустелых дворцов. Их удивляло, что посреди такого количества жилищ, они слышали лишь шум своих шагов!

Сначала французов изумил необычайный вид великолепных дворцов, но потом они заметили, что дворцы перемешивались с лачугами.

Молчаливая задумчивость войск, двигавшихся по этому удивительному городу, была неожиданно нарушена ружейным выстрелом. Колонна остановилась. Последние ряды были еще за городом, а центр двигался по одной из длинейших улиц Москвы, примыкавшей к Кремлю. Ворота крепости казались запертыми, а из-

нутри ее доносились дикие завывания. Несколько мужчин и женщин, отталкивающей наружности, показались на стенах в полном вооружении. Они распространяли противный запах вина и оглашали воздух отвратительными ругательствами. Мюрат отправил им посланного с предложением мира, но это было бесполезно. Пришлось разбить ворота пушечными выстрелами.

Только с наступлением ночи вошел Наполеон в Москву. Он остановился в одном из домов предместья. Там он назначил губернатором столицы маршала Мортье.

"Главным образом следите, чтобы не было грабежа, — сказал он ему: — вы отвечаете мне за это своей головой. Примите все меры для защиты Москвы."

Ночь была печальна. Зловещие рапорты следовали один за другим. Французы, жившие в Москве, и даже один офицер русской полиции сообщали о готовящемся пожаре. Взволнованный Наполеон тщетно искал покоя: он не хотел верить известию.

Первым загорелось огромное торговое здание, помещавшееся в центре города, в одном из богатейших кварталов. Наполеон поспешил отдать соответствующие приказания, а при наступлении дня сам отправился на место пожара и обратился с грозной речью к молодой гвардии и Мортье. Но Мортье в ответ указал на дома, крытые железом: они стояли запертые, нетропуемые, без малейшего следа взлома, а между тем черный дым клубился, выходя из них. Наполеон, полный раздумья, вступил в Кремль.

3.

Сквозь дым пожара.

Нам ¹⁾ казалось сначала, что причиной пожара были пьянство и разнузданность солдат, а что сильный ветер лишь раздул пламя. Поэтому мы смотрели друг на

¹⁾ Французам, — рассказ ведется графом де-Сегюром.

друга с каким-то отвращением. Нас пугал тот крик ужаса, который должен раздаться по всей Европе. Мы боялись поднять глаза, подавленные катастрофой: она порочила нашу славу, грозила нашему существованию в настоящем и будущем. Отныне мы становились армией преступников, которых осудит весь цивилизованный мир!

Однако, все больше приходило известий, показывавших, что пожар — дело рук самих русских... Был отдан приказ предавать суду и расстреливать всех поджигателей...

Наступила ночь. Наполеон (бывший уже в Кремле) нервно ходил по комнате, останавливаясь возле каждого окна. Он смотрел, как огонь-победитель яростно уничтожал его блестящее завоевание, охватывая все мосты, все проходы к Кремлю, окружая его кольцом.

И вдруг крик: "Пожар в Кремле!.." Итак, все было обречено разрушению, даже древний священный Кремль!.. Наполеон приказал везти себя за город, в Петровский дворец, что на Петербургской дороге. Но Кремль был окружен океаном пламени. Оно охватило все ворота крепости и мешало выйти из нее. После долгих поисков был найден подземный ход, выводивший к Москве-реке. По нему-то и выбрался из занявшегося огнем Кремля Наполеон со своими офицерами и гвардией.

Но и этот выход не избавил от опасности... Всего лишь одна улица, узкая, извилистая и вся охваченная огнем, открывалась перед нами. Она была скорее входом в ад, чем выходом из него. Но император, пеший, без колебаний бросился в этот проход. Он шел среди треска костров, грохота рушившихся сводов, балок и крыш из раскаленного железа. Огненные языки, пожиравшие строения, то взвивались к небу, то почти касались наших голов. Мы подвигались по огненной земле, под огненным небом, между двух

огненных стен. Нестерпимый жар палил глаза, даже руки были опалены, потому что приходилось то защищать лицо от огня, то отбрасывать горящие головни, падавшие на нас.

Хорошо, что солдаты первого корпуса (они занимались тут грабежом) узнали императора в этом вихре пламени. Они вывели своего вождя к дымящимся развалинам одного квартала, еще с утра обращенного в пепел. Здесь мы встретили и маршала Даву. Израненный под Бородином, он не мог идти и приказал нести себя через огонь, чтобы спасти Наполеона или погибнуть с ним вместе...

(Из "Воспоминаний" гр. де-Сегюра)..

Не "Великая Армия", а орда кочевников.

В южной части Москвы, у заставы, одно из ее главных предместий примыкает к двум большим дорогам: обе они ведут в Калугу. Одна из них, что левее, самая старая, другая проложена позднее. На первой из них Кутузов только что разбил Мюрата. И по этой же дороге Наполеон вышел из Москвы 7 октября, объявив своим офицерам, что он идет поразить Кутузова, а затем двинется к границам Польши, через Калугу, Медынь, Юхнов, Ельню и Смоленск. Один из них, Рапп, заметил: "Уже поздно и зима может захватить нас дорогой". Император ответил, что он должен был дать солдатам время поправиться, а раненым, находившимся в Москве, Можайске и Колотском — добраться до Смоленска. Затем, указав на небо, по прежнему безоблачное, сказал: "Разве вы не узнаете моей звезды в этом сверкающем небе?" Но этот призыв к счастью противоречил мрачному выражению его лица и обнаруживал лишь деланное спокойствие.

¹⁾ В этой басне И. А. Крылов намекает на попытки Наполеона вступить из Москвы в переговоры с Кутузовым. Кутузов представлен в Басне в образе старого ловчего.

Наполеон, вступивший в Москву с 90 тысячами строевых солдат и 20 тысячами больных и раненых, выходя из нее, имел более 100 тысяч здоровых солдат, оставив в Москве 1,200 раненых. Пребывание Императора в Москве, несмотря на ежедневные потери, дало ему возможность предоставить отдых пехоте, пополнить провиант войска и увеличить свои силы на 10 тысяч человек. Кроме того, удалось поместить часть раненых в госпитале, а остальных заблаговременно вывести из города. И тем не менее с первого же дня выступления Наполеон заметил, что его кавалерия и артиллерия едва волочили ноги.

Выступление французов из Москвы.

Еще одно обстоятельство натолкнуло Наполеона на печальные предчувствия. Армия, накануне вышедшая из Москвы, двигалась без перерыва. В колонне, состоящей из 140,000 человек и приблизительно 50,000 лошадей всех пород, ста тысяч строевых солдат,

шедших впереди в полном снаряжении с пушками и с артиллерийскими повозками, еще напоминали своим видом прежних всемирных победителей; что же касается остальных, то они походили скорее на татарскую орду после удачного нашествия.

На бесконечном расстоянии, в три или четыре ряда тянулась пестрая вереница карет, фур, богатых экипажей и всевозможных повозок. Тут были и трофеи в виде русских, турецких и персидских знамен, и гигантский крест с колокольни Ивана Великого, и бородатые крестьяне, которые везли и несли добычу, сами составляя часть ее; многие из наших ¹⁾ собственно-ручно везли тачки, наполненные всем, что им удалось захватить; эти безумцы не хотели думать, что уже к вечеру им придется отказаться от своей непосильной ноши: охваченные бессмысленной жадностью, они забыли и о восьмистах милях пути, и о предстоящих сражениях.

Особенно бросалась в глаза среди идущей в поход армии толпа людей всех национальностей, без формы, без оружия, и слуг, громко ругавшихся на всех языках и погонявших криками и ударами плохеньких лошадемок, впряженных веревочной упряжью в элегантные экипажи, наполненные добычей, уцелевшей от пожара, или съестными припасами. В этих экипажах ехали со своими детьми французские женщины, которые когда-то были счастливыми обитательницами Москвы, а теперь убегали от ненависти москвичей, — армия являлась для них единственным убежищем. Несколько русских девок следовали за нами в качестве добровольных пленниц.

Можно было подумать, что двигался какой-то караван кочевников или одна из армий древних времен, возвращавшаяся после великого нашествия с рабами и добычей.

¹⁾ Французов. Это пишет гр. де-Сегюр.

Трудно было себе представить, как сможет регулярное войско тянуть за собой и сохранять такое количество тяжелых экипажей в течение столь длинного перехода.

Несмотря на ширину дороги и крики свиты Наполеону с трудом удавалось пробираться сквозь эту невообразимую толкотню. Без сомнения, достаточно было попасть в узкий проход, ускорить движение или подвергнуться нападению казаков, чтобы избавиться от этой поклажи; но лишь судьба или неприятель могли облегчить нас от нее. Император же отлично сознавал, что он не имеет права ни упрекнуть своих солдат за захват этой, с трудом приобретенной добычи, ни тем более отнять ее у них. Кроме того, так как награбленные вещи были спрятаны под съестными припасами, а Император не имел возможности выдавать своим солдатам должный паек, то мог ли он запретить им уносить все это с собою? Наконец, в виду того, что не хватало военных повозок, эти экипажи служили единственным спасением для больных и раненых.

Поэтому Наполеон безмолвно миновал длинный хвост своей армии и выехал на старую Калужскую дорогу...

(Из "Воспоминаний" гр. де-Сегюра).

2. Из писем французов на родину¹⁾.

Рео, директор продовольственного отдела при главной квартире, пишет своей жене:

"Я сохранил свое здоровье, и это все, на что ты можешь рассчитывать с моей стороны во время этого похода. Приходится много тратить, чтобы кормиться, спать, на освещение, на приобретение самых необходимых принадлежностей хозяйства, на проезды и, наконец, на зимнюю одежду. Этот раз приходится покупать все на свой счет, и мы не встречаем никакой поддержки в стране, где мало жителей, а у тех, которые остались, нет желания прийти нам на помощь".

Г-н Бомари к жене:

"Я никогда не буду в состоянии описать тебе положение, в коем мы оказались по выступлении нашем из Москвы! Нас беспрестанно тревожил неприятель и казаки. Последние не оставляют нас в покое ни днем, ни ночью и вечно рыщут по бокам. Мы были среди мертвых и умирающих, без съестных припасов и в стране, совершенно разоренной уже 3 месяца назад"...

Барон Ларрей²⁾ жене:

¹⁾ См. изд. моск. кн-ва "Образование" — "Календарь Наполеона".

²⁾ Главнначальствующий санитарной частью Наполеоновской армии.

"Никогда еще так не страдал. Египетский и испанский походы были ничто в сравнении с теперешним. И все-таки злоключения наши далеко еще не окончились. Но я могу все-таки сказать, что здоров, а потому не беспокоюсь. Как и товарищи мои, я потерял почти все; и мы не имеем никакой надежды на вознаграждение. Приходится радоваться даже кусочкам мяса от павших лошадей, что попадают нам по пути; их поджариивают на угольях. В этом вся наша пища".

3.

... 25 октября стоял такой туман, что ни зги не было видно, и трещал мороз свыше двадцати двух градусов; у нас губы слипались, внутри носа стыло, и сам мозг, казалось, замерзал. Мы двигались в ледяной атмосфере. Весь день при сильном ветре падал снег небывало крупными хлопьями: не только не видно было, неба, но даже и тех, кто шел впереди нас...

Мы остановились неподалеку от леса: чтобы двинуться дальше, надо было долго дожидаться, — дорога была узкая, а скопление народа значительное...

За те полчаса, что мы стояли на месте, у нас умерло несколько человек. Много других свалилось еще, пока колонна была в движении. Когда мы останавливались закусить наскоро, то пускали кровь брошенным лошадям или тем, которых удалось стащить незаметно. Кровь собирали в котел, варили ее и ели.

Но часто случалось, что только успевали развести огонь, как приходилось немедленно съесть это кушанье почти в сыром виде, потому что получался приказ идти дальше или вблизи показывались русские. Если требовалось сниматься с места немедленно, уносили с собой котел и каждый на ходу черпал из него пригоршнями и ел; поэтому у всех лица были выпачканы в крови.

Зачастую, когда приходилось бросать заколотых лошадей, потому что некогда было разрезать их, люди нарочно отставали и прятались, чтобы их не заставляли следовать за полком. Тогда они накидывались на сырое мясо, как хищные звери; редко случалось, чтобы эти люди опять появлялись среди нас — они или попадали в плен к неприятелю, или замерзали...

Было часов около десяти, когда я кончил свой жалкий ужин, состоявший из кусочка печенки от лошади, убитой нашими саперами, а вместо питья, проглотил пригоршню снега. Маршал Мортье также съел печенки, зажаренной для него денщиком, но только он ел ее с куском сухаря и запил каплей водки; ужин, как видите, не особенно изысканный для маршала Франции, но и то было еще недурно при нашем злосчастном положении

После ужина он вдруг спросил у часового, стоявшего, опершись на ружье, у дверей риги, зачем он тут? Солдат отвечал, что он стоит на часах. "Для кого и для чего? возразил маршал, — ведь все равно, это не помешает холоду и нужде вторгнуться сюда и терзать нас! Ступай лучше, займи место у огня". Немного погодя, он попросил у денщика чего-нибудь подложить себе под голову; ему подали чемодан, он завернулся в плащ и улегся.

Я собирался сделать то же самое, растянувшись на своей медвежьей шкуре, как вдруг нас переполошил какой-то странный шум; оказывается, северный ветер забушевал по лесу, подымая снежную метель при 27-градусном морозе, так что люди не могли оставаться на местах. С криками бегали они по равнине, стараясь попасть туда, где виднелись огни, и этим облегчить свое положение; но их крутил снежный вихрь, и они не могли двигаться или, если все-таки порывались бежать, то спотыкались и падали, чтобы уже больше не подыматься.

В состав нашей армии входил принц Эмилий Гессен-Кассельский со своим войском. Его маленький корпус состоял из нескольких полков кавалерии и пехоты. Как и мы, он располагался на биваках, по правую сторону дороги, с остатками своих несчастных солдат, число которых сократилось до пяти или шести сот человек; в числе их находилось приблизительно до полутораста драгун, но уже пешех, так как их лошади или пали, или были съедены. Эти храбрые воины, изнемогая от холода и не имея сил оставаться на месте в такую метель и непогоду, решили принести себя в жертву, чтобы спасти своего молодого принца, юношу лет двадцати, не больше, поставив его по середине, чтобы защитить от ветра и холода. Закутанные в свои длинные белые плащи, они всю ночь простояли на ногах, тесно прижимаясь друг к другу; на другое утро три четверти этих людей были мертвы и занесены снегом; та же участь постигла почти десять тысяч из разных корпусов.

(Из "Воспоминаний" сержанта Бургоня).

12.

Отступление Нея.

7-го ноября Наполеон принужден был покинуть Оршу; но он оставил там Евгения¹⁾), Мортье и Даву и, остановившись в двух милях от этого города, стал расспрашивать о Нее, все продолжая поджидать его. То же уныние царило во всей армии, остатки которой находились в Орше...

Все обвиняли друг друга в несчастьи Нея, словно была какая-нибудь возможность поджидать дольше третий корпус, под Красным.

Когда истощились все воспоминания и все догадки, нас охватило уныние, как вдруг раздался лошадиный топот и послышался радостный крик:

— Маршал Ней спасен, он едет к нам, вон его кавалеристы!..

4-го ноября Ней вышел из Смоленска с двенадцатью орудиями, шестью тысячами пехоты и тремястами кавалерии.

Уже на следующий день их охватили мрачные предчувствия: они достигли снежной поляны, красной от крови и покрытой обломками оружия и изуродованными трупами... (Это было поле сражения под Красным).

Ней поспешно повел солдат дальше от этих мрачных мест, и они беспрепятственно дошли до того места, где дорога уходит в глубокий овраг, из которого выбегает опять на плоскую возвышенность...

Люди, шедшие впереди беспорядочными толпами, вернулись, указывая на равнину, где чернели ряды неприятеля.

Это был Кутузов с своей армией. Со стороны Кутузова было восемьдесят тысяч сытых человек, стоявших стройными, полными рядами, многочисленными эска-

¹⁾ Принц Евгений - один из маршалов.

дроны, огромная артиллерия, занимавшая грозную позицию, одним словом — все, и даже счастье, заменяющее собою все. У Нея было пять тысяч солдат, составлявших еле тащившуюся, раздробленную колонну; его солдаты имели далеко не все необходимое оружие, да и то было нечищено, поломано и нетвердо держалось в ослабевших руках!

Первая дивизия скрылась вместе с дорогой на дне оврага, затем вновь показалась на другой стороне его и, смятая первой русской линией, снова скатилась в овраг.

Нисколько не удивляясь происшедшему и не давая никому времени удивляться, маршал соединил остальных, составил из них резерв и сам заменил отступивших...

Все последовали за ним. Они подошли вплотную к первой неприятельской линии, пробили и смяли ее ряды, и, не останавливаясь, устремились ко второй; но они не успели еще достигнуть ее, как на них посыпался целый град железа и свинца. В одно мгновение у Нея были ранены все генералы и убито большинство солдат; поредевшая колонна рассыпалась, она содрогнулась, отступила и увлекла за собой Нея.

Вечерний мрак начинал заволакивать все окружающее. Сумерки наступали уже очень рано. Но Ней их то и дожидался. Он воспользовался перерывом для того, чтобы отдать приказ о возвращении назад, к Смоленску. Его подчиненные окаменели от удивления. Услышав такое приказание, даже его адъютант не поверил своим ушам; он устремил на своего начальника растерянный взгляд и молча стоял, не понимая ни слова. Тогда маршал повторил приказание. Они повиновались и без колебания оборотились спиной к родной армии, к Наполеону, к Франции и снова углубились в Россию, принесшую им столько страданий...

Они следили глазами за всеми движениями своего начальника: что же он предпримет? И, каковы бы ни

были его намерения, куда же направится он, без проводника, в неведомой стране? Он же, движимый инстинктом опытного воина, остановился на краю большого оврага, на дне которого, как он и предполагал, протекал ручей. Ней приказал расчистить снег, покрывавший лед, который также по его приказанию сломали. Тогда, увидев течение ручья, маршал воскликнул:

"Это приток Днепра! Вот наш проводник! Мы должны следовать за ним, он приведет нас к реке: мы переправимся на другой берег — там наше спасение!"

Вблизи большой дороги, покинутой ими, они остановились в какой-то незнакомой им деревне... Там Ней соединил войска и велел развести бивуачные огни, словно намереваясь остаться там на продолжительное время. Казаки, ехавшие следом за ним, поверили этому и, очевидно, дали знать Кутузову о месте, где на следующий день французский маршал отдаст свое оружие.

В то же время разведчики Нея объезжали окрестности. Единственным человеком, которого им удалось разыскать, был хромой крестьянин; ему несказанно обрадовались. Он объявил, что Днепр находится на расстоянии лишь одной мили, но что вброд перейти его нельзя и что он, вероятно, еще не замерз.. Он замерзнет!"— воскликнул маршал; когда же ему указали на наступившую оттепель, он прибавил:

— Как бы там ни было, мы должны переправиться: это наша последняя надежда!

Наконец, часам к восьми они прошли какую-то деревню, и хромой мужик, шедший впереди, остановился, указывая на реку... Зимняя стужа подморозила реку окончательно только в этом месте; но выше и ниже, поверхность ее была подвижна.

Один офицер решил жертвовать собой. Он с трудом достиг противоположного берега. Вернувшись к своим, он объявил, что людям и, может быть, не-

которым лошадям есть возможность переправиться, но что все остальное придется покинуть, при чем необходимо торопиться, так как вследствие оттепели лед начинает таять...

Но Ней увидел, что лишь часть колонны находится возле него. Три часа он решил ждать, чтобы дать время всем снова соединиться; сделав это распоряжение, он спокойно закутался в свой плащ и проспал глубоким сном все три часа ожидания на берегу реки: у него был уравновешенный темперамент великих людей, изумительно сильная душа обитала в этом теле, отличавшемся крепким здоровьем, без которого не бывает героев.

Наконец, около полуночи, началась переправа. Но те, кто первыми отделились от берега, закричали остальным, что лед опускается под их тяжестью и что им приходится идти по колена в воде; а вскоре с ужасным треском стала ломаться и эта ненадежная подпора. Все остановились, охваченные ужасом!

Тогда Ней приказал переправляться по-одиночке. Снова все осторожно двинулись вперед, не зная порой, среди темноты, ступают ли они на льдину, или же попадают в какую-нибудь расщелину, так как встречались такие места, где приходилось переходить через большие трещины, перепрыгивая с одной льдины на другую, рискуя упасть между ними, и исчезнуть навеки. Передние заколебались, но те, кто шел позади, крикнули им, чтобы они торопились.

Когда же, наконец, изнемогающие и измученные, они достигли противоположной стороны и считали себя уже спасенными, перед ними оказался такой крутой и обледенелый берег, что не было возможности взобраться на него... Рассказчики содрогались при одном воспоминании о толпах людей, теснившихся над этой пропастью, о непрерывном отзвуке падений, о криках утопавших. Но еще ужаснее было вспоминать о слезах и отчаянии тех раненых, которые лежали в повозках и кото-

рых нельзя было переправить по хрупкому льду. Они протягивали руки к своим товарищам, умоляя не покидать их.

Их начальник сделал попытку переправить несколько повозок, нагруженных этими несчастными; но когда повозки достигли середины реки, лед стал опускаться и вдруг проломился. До стоявших на берегу долетели сначала душу раздирающие отчаянные крики, затем заглушенные и прерывистые стоны, за которыми наступило ужасное молчание — все исчезло!..

Колонна лишилась артиллерии и обоза. У нее оставалось около трех тысяч строевых и столько же людей, шедших беспорядочными толпами.

Соединив кое-как тех, кто смог переправиться, Ней двинулся в дальнейший путь, и покоренный Днепр стал союзником и проводником французов.

Солдаты подвигались наудачу, как вдруг один из них, упав, заметил проторенную дорогу. Дорога эта, увы! оказалась даже слишком наезженной. Шедшие впереди, нагнувшись, стали ощупывать ее руками, и в ужасе закричали, что они различают свежие следы пушек и лошадей. Итак, они ушли от одной неприятельской армии лишь для того, чтобы попасть в руки другой! И им, едва двигавшимся, снова придется сражаться! Значит, война была повсеместно! Но Ней приказал им идти вперед и, доверившись грозным следам, пришел к Гусиному. В Гусином они встретили все то, чего были лишены с минуты выступления из Москвы: жителей, съестные припасы, покой, теплые помещения и около сотни казаков, которые проснувшись увидели себя пленными. Переговоры с этими последними, а также необходимость дать подкрепиться солдатам, задержали Нея на некоторое время в этой деревне.

Около десяти часов вечера они набрали на две новые деревни и стали располагаться в них на отдых, как вдруг заметили, что окрестные леса полны движения. Пока перекликались, переглядывались и сосредото-

точивались в той из двух деревень, которая была ближе к Днепру, из-за деревьев показались тысячи казаков и окружили несчастный отряд стеной копий и пушек.

То был Платов со своими казаками, следовавшими по берегу Днепра...

Спокойная сдержанность Нея сдерживала русских. Он один с несколькими солдатами наблюдал за неприятелем, приказав другим продолжать подкрепляться. Так наступила ночь. Тогда Ней отдал приказ выступать, соблюдая тишину, предупреждая тихим голосом друг друга и подвигаясь сомкнутыми рядами.

Но первый же шаг их дал сигнал неприятелю: грянули орудия и разом двинулись все эскадроны...

Нею удалось выстроить отсталых между собой и русскими...

Защитив свой правый фланг оградой из этих несчастных, маршал вернулся к берегу Днепра, и прикрыв ими же свой левый фланг, стал двигаться от леса к лесу, от оврага к оврагу, пользуясь малейшими изгибами и неровностями почвы. Когда ему приходилось удаляться от реки, Платов окружал его со всех сторон.

Таким то образом, в течение двух дней и на протяжении двадцати миль, шесть тысяч казаков разъезжало вдоль обоих флангов колонны Нея, в которой оставалось всего полторы тысячи вооруженных людей...

Немного успокоенная, несчастная колонна подвигалась ощупью по темному густому лесу, как вдруг в нескольких шагах впереди показался яркий свет и грянула пушка перед самым лицом тех, которые шли в передних рядах. Охваченные страхом, они подумали, что попали в засаду, и в ужасе попадали на землю. Шедшие позади смешались и тоже падали в беспорядке. Видя, что, все погибло, Ней бросился к ним. Он приказал дать сигнал к атаке, и как будто бы

это нападение не было для него неожиданным, воскликнул:

— Товарищи, теперь пора, вперед! Они в наших руках!

При этих словах, пораженные солдаты, полагавшие, что их застигли врасплох, захотели, в свою очередь, застичь врасплох неприятеля. Упавши на земь побежденными, они поднялись победителями. Все кинулись к неприятелю. Но его уже не было: только по лесу раздавался шум поспешного бегства!...

(Из "Воспоминаний" графа де-Сегюра).